

НЕВИННЫЙ. ПОПЫТКА ПОРТРЕТА

— Почему вы решили стать актером?
— А я и не решал. Я знал, что буду им.

Из интервью.

Откуда пришло это знание к мальчику из провинциальной Тулы, чья семья была далека от всех искусств, — бог весть? Мечтать, конечно, негрешно, тем более о сцене. Но туда много званных, да мало избранных. Вячеслава Невинного избрали. На счастье ему и народу, тем более о сцене. Но туда много званных, да мало избранных. Вячеслава Невинного избрали. На счастье ему и народу, тем более о сцене.

Но это сегодня. Тогда же была мечта. Не знаю, видел ли себя юный Невинный эдаким Наполеоном, покоряющим театральные миры, но завоевывать его он начал еще в детстве. И, быть может, уже в те далекие годы пришла к нему попытка осознания того, что театр — это не только развлечение, но куда более серьезное занятие. В чем это выразилось? Ну хотя бы в том, как он впоследствии не без юмора вспоминал, что стишков с табуретки на потеху взрослым дядям и тетям никогда не читал, а все норовил «общественно прозвучать». Оно и понятно — время было суровое, военное и послевоенное, не до забав. И в чем-то замечательное, что мы только сегодня начинаем осознать, отвлекаясь от «бедствий народных» и вспоминая прекрасный юношеский идеализм и максимализм, который нынче, увы, утрачен. У Невинного он был, оттого он и сегодня — личность, на сцене и на экране. А корни там — в юности и в том времени.

Когда он первый раз шагнул с обрыва, навеки распрощавшись с родной Тулой и рванув в Москву, во ВГИК, то еще, наверное, не предполагал, что там, под ногой — пропасть. Ведь что такое актерство, как не отчаянный прыжок в неизвестность — вынесут ли тебя добрые силы или пропадешь, разобьешься о непонимание и неудачу. Невинный не разбился, а ведь мог бы, потому что во ВГИК его категорически не приняли. А он шагает снова: за год поднабравшись ума-разума в Тульском театре, приземляется в Школу-студии МХАТа. А можно сказать, что и в самом Художественном театре, ибо с той поры и до сегодняшнего дня он с ним не расстается.

Ох, сколько сыграно — на десятилетия хватит. Да и роли-то какие — Хлестаков, Чичиков, Градобоев, Мизинчиков. Это тогда, в молодости. А сегодня — Фамусов, Сорин, Епиходов, Вафля, Варлаам. Всех не перечислишь, в глазах рябит от имен и названий. Премьера без Невинного во МХАТе имени А. Чехова — редкость. Конечно, количеством качества не заменишь, но и в нем своя прелесть. Значит, нужен. Значит, любят. Значит, хотят видеть. И Невинный о том же: «Актер должен работать, обязательно, иначе он может умереть...». Не дай вам Бог, Вячеслав Михайлович, работайте и живите!

всегда, во всех ролях остается самим собой. Опять же — не всякому дано. Ведь куда проще — что-то у кого-то подсмотреть, что-то где-то прочитать и, как чужой костюмчик, примерить на себя одежду очередного персонажа. Невинному не всякий костюмчик подойдет — фигура слишком богатырская. Да и натура тоже. У него свой «гардероб», скроенный из собственных переживаний, воспоминаний, чувств и мыслей. И ведь сколько же перемешано в этой самой душе, скрытой под маской, чтобы поделиться и с чеховскими «недотепами», и с пушкинскими монахом-комедантом, и с грибоедовским

шедшего «Мишиного юбилея» Гельмана — Ефремова — просто ватого, но с мефистофельской усмешечкой? Не протрезвевший ли это Себейкин двадцать лет спустя, так и не уехавший в свою «Москву»?

А его чеховские персонажи — «маленькие люди», забытые, жалостные. Но ведь нет у Невинного этой жалобной сальности, что слезу вышибает. Любит ли он их? Да, конечно, но и спасительной иронии не теряет. Замирает слезящимися глазами Вафля, противно заскрипит сапогами Епиходов, да с размаху усядется во всей своей необъятности на розовый букет, не к месту всхрап-

исповеди, рвущиеся в клочья. Он же был тих и потому подлинный — нелепый большой человек, так глупо влюбившийся на склоне лет в молодую «диву», когда-то прооперированную собственными руками. Без привычных, вполне милых «штучек», без всегдашнего оптимизма, даже, кажется, без той самой иронии, что разделяет актера и персонажа. Такого Невинного театральная Москва еще не знала и... не заметила, пропустила, не обратила внимания. Зато тут же все дружно обругали его Кругеля в гоголевских «Игроках», поставленных С. Юрским, за «штампы».

А между тем, существовал ли когда-нибудь большой актер без собственных «штампов» и «штучек»? Вряд ли. Ведь в них тоже бывает иногда своя прелесть, словно бы говорит нам актер: «Это же я, узнаете?». И совсем это не значит, что такой уж он бездушный ремесленник. Впрочем, в одном из давних интервью у Невинного прозвучало: «Я считаю: ремесленник — высокое слово. А чтобы зваться Художником, нужно совершить своими работами переворот в искусстве». Вот так-то...

А потом на пути «нового» Невинного случился Фамусов. Казалось бы, какие уж тут открытия, когда все давным-давно разъяснено, разжевано и по полочкам разложено. А Фамусов Невинного вдруг неожиданно ожил и заговорил с нами не тирадами из «первого» или «второго монолога», когда-то в школе выдолбленных наизусть, а простыми, близкими и понятными словами. В непривычном для О. Ефремова холодновато-рационалистичном спектакле оказался «теплый» персонаж (впрочем, таким же «теплым» был и Чацкий М. Ефремова), принимающий все перипетии настолько близко к сердцу, что к финалу за это самое сердце хватался не только актер, но и зритель. И это в «Горе от ума», с его вечной дидактикой! Право же, перед дочерью такого Фамусова можно преклонить колени, что и делает в конце концов Чацкий, забыв о ждущей его карете.

Невинный в последнее время любит обманывать ожидания, провоцировать. Только-только настроишься на привычный лад («ну что, я Невинного не знаю?»), а он выйдет и этот настрой ломает. Надо бы смеяться, а тебе грустно. Пришел повеселиться («Невинный же!»), а тебе душу переворачивают. А уж критики как иногда раздражаются, и не передать. Один посмотрел не так давно «Блаженный остров» М. Кулиша: не узнаю, говорит, Невинного. И почему-то с осуждением. А причина проста и кроется все в том же, за что частенько самому актеру достается, — в штампах. На этот раз — восприятия. К сожалению, штампы не только у актеров встречаются.

А в «Блаженном острове», сыграв своего очередного нелепого, но потому живого персонажа, Савватия Гуску, Невинный встретился словно бы со многими своими героями сразу. Там и комедиантство, и какая-то чеховская грусть, и немного отстраненный взгляд на себя — того и себя — нынешнего. И еще актерская и человеческая мудрость, открыто явленная со сцены и увлекающая персонажа за собой. А вслед за ним и зрителя.

Вячеславу Невинному сегодня шестьдесят. Как говорила одна из чеховских героинь, «для мужчины это не старость». А уж для актера тем более. Вновь стоящему у обрыва, ему предстоит сделать новый шаг. А нам отозваться и наконец-то прозреть.

Ирина АЛПАТОВА.

ШАГ С ОБРЫВА

Спрашиваю у знакомых: «Что такое Невинный?». Ответы невнятные, но эмоциональные: «Невинный — это о-о-о! ну-у-у! ого-го», и улыбка на 32 зуба: «Невинный — это ...Невинный!». Так, значит, маска, амплуа, типаж, как в итальянской комедии? Да, наверное, и вправду есть она, эта маска, только называется по-другому: Актер, или, на театральном лексиконе, Актер Актерыч. Почему-то мы всегда уничижительно эти слова произносим. А что в них плохого? И, между прочим, не каждому дано такую маску носить.

Но под маской, как известно, почти всегда кроется душа. Да и для того, чтобы ее надеть, надо, как минимум, иметь лицо. Ну а уж коли есть лицо и душа, то из этого сплава обычно рождается индивидуальность. Невинный любит это слово, потому что в нем заключен гораздо более глубокий смысл, чем в том же «амплуа» — попытка прорваться сквозь границы привычного, легко узнаваемого к чему-то такому, чего и сам в себе до поры не знаешь.

Порой слышишь, что Невинный всегда играет себя. И это будет правдой, если прозвучит немного по-другому: он

«отцом», и с нашими то нелепыми, то нахрапистыми современниками.

Поэтому и выходят они на сцену словно бы парой — артист и его герой. И в этом тандеме Невинный главный. Он своего спутника подзадоривает: «Пойдем, покажем им, кто мы такие!». И персонаж послушно подчиняется. А иначе был бы музей, пыльная книжная иллюстрация. У Невинного же — театр, живой разговор, в котором мы — собеседники.

В старину было принято делить актеров на «прокуроров» и «адвокатов». А вот Невинный — кто он? Коль все его герои разные — одних хочется к сердцу прижать, других к черту послать. Впрочем, последнее желание к концу любого спектакля обычно уменьшается, а то и пропадает совсем. Невинный — не график, а живописец. Ему знакомы иные краски, кроме черно-белой прямолинейности. И не знаешь, обрубить ли его Петра Себейкина из давнего ефремовского «Старого Нового года» М. Рощина, самоуверенно — громогласного («Клавк, мы одну пианину купили?»), или пожалеть, когда он, подвыпив, всплывает на своих пианинах от «тоски по лучшей жизни». Или безымянного Официанта из только что вы-

нет и не то скажет Сорин... И грустно, и думаешь: да что ж ты, ей Богу, такой нелепый, «двадцать два несчастья»? Как же тебя до конца полюбить-то? В общем, драма, а Чехов пишет — «комедия». Чехов написал — Невинный понял и сыграл.

И потому не «адвокат» он и не «прокурор», а «свидетель». Не от равнодушия и холодности, а оттого, что сам там был, с ними, а теперь свидетельствует, играя.

Ловлю себя на мысли, что в последнее время часто вижу на сцене какого-то «нового» Невинного — не от себя уходящего, а к себе — другому — приходящего. Слово ровная, хорошо утрамбованная площадка внезапно кончилась, и он вновь оказался у обрыва. Первое такое «видение» случилось в спектакле «Трагики и комедианты», оказавшемся, впрочем, где-то на обочине мхатовского пути, несмотря на обилие «звездных» имен — Калягин, Тенякова, Майорова, Киндинов. Так вот среди этой шумной компании Невинный вкуче со своим героем, носящим простецкую фамилию Мокин, оказался единственным и настоящим «трагиком». А все прочие — «комедианты», несмотря на страдания, страсти и

В. Невинный в роли Епиходова. «Вишневый сад» А. П. Чехова. Фото Н. Самойлова.

Невинный Вячеслав

3.12.94.